

Русское общество Прибалтийских губерний в начале XX века: правительственный взгляд

Русское общество Прибалтийских губерний в конце XIX в. привлекло к себе пристальное внимание отечественных публицистов. Связано это было, в первую очередь, с проведением в крае правительственных реформ — судебной, полицейской, школьной и т.д., ограничивших отчасти влияние прибалтийско-немецкого дворянства. В то же время компетенция дворянских организаций (рыцарств) всё ещё оставалась достаточно широкой — они продолжали пользоваться важными, как считали публицисты, «политическими» правами, а именно правом участвовать в управлении лютеранской церковью губерний и империи и руководить земским делом.

В связи с этим, российская пресса требовала окончательно решить «остзейский вопрос», завершив начатые правительством преобразования реформированием прибалтийских дворянских организаций и земства, и вместе с тем усилить русское влияние в Прибалтике. Особая роль в этом отношении отводилась местному русскому населению. Публицисты видели в нем естественного союзника правительства в проведении его объединительной политики в национальных регионах Российской империи. Они считали, что русское население Прибалтики должно поддерживать правительственную политику в крае и способствовать его сближению с Россией.

В особенности активно эту идею развивал публицист, чиновник и общественный деятель неославистского направления А.А. Башмаков. Он подчёркивал, что успешное осуществление интеграционной политики правительства напрямую зависело от поддержки русской общественности. Так, в своей речи на торжественном заседании Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества в 1895 г. Башмаков призывал противопоставить деятельности пангерманистов в Прибалтике русское «общественное творчество» и защитить тем самым «интересы русского дела на окраинах».¹

Между тем, сама русская общественность Прибалтики оставалась безучастной к этим призывам. Анонимный автор серии статей «Летопись русского дела в Прибалтийском крае» укорял её за то, что она не осознавала важности своей политической задачи. В то время как, по его словам,

¹ Башмаков А.А. За смутные годы. Публицистические статьи и речи А.А. Башмакова. СПб., 1906. С. 27–29.

«обязанность и призвание» местных русских состояли в том, чтобы «содействовать правительству в осуществлении его стремлений к духовному объединению этой окраины с Русью».²

Эти идеи, собственно, не находили поддержки и у самого правительства вплоть до 1908 г., когда в его прибалтийской политике наметилась новая линия. Её цель состояла в том, чтобы ослабить немецкое влияние в Прибалтийских губерниях и усилить там влияние русское. Отчасти этот политический курс был вызван давлением правых на правительство П.А. Столыпина. Другой его причиной послужили экспансионистские настроения в правящих кругах Германии по отношению к Прибалтике и деятельность основанных прибалтийско-немецкими политиками национальных «Немецких обществ», возбуждавшая у правительства подозрения в сепаратизме.³

В особенности его беспокоило организованное лидерами этих «обществ» переселение в Прибалтику немецких колонистов из Поволжья и Волыни. По мысли организаторов этой акции — К. Мантейфеля, М. фон Сиверса и др. — колонисты должны были восполнить практически полностью отсутствовавшее здесь немецкое крестьянство и укрепить тем самым местную немецкую диаспору. В общей сложности с 1909 по 1914 гг. в Прибалтику было переселено около 15–20 тыс. колонистов.

В неменьшей степени правительство тревожили контакты «Немецких обществ» с организациями пангерманистов и, в частности, с «Немецким школьным обществом», «Пангерманским союзом» и «Обществом зарубежных немцев» (Verein für das Deutschtum im Ausland). Хотя руководители этих организаций сами искали контактов с прибалтийскими «Немецкими обществами», поскольку были заинтересованы в связях с ними.⁴

Непосредственным поводом к активизации прибалтийской политики правительства в 1908 г. послужила анонимная статья в газете «Окраины России», на которую Николай II обратил внимание П.А. Столыпина. Её автор указывал на «засилье» инородцев в местной администрации и на то, что прибалтийские немцы способствуют усилению отчуждённости края. Вместе с тем, он предлагал ряд мер, чтобы нейтра-

² *Аноним.* Летопись русского дела в Прибалтийском крае за 1893 г. Общественность // Рижский вестник. 8.01.1894. № 5. Цит. по: Научная библиотека МГУ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 72. Л. 59.

³ *Дякин В.С.* Столыпин и дворянство (провал местной реформы) // *Дякин В.С.* Был ли шанс у Столыпина? СПб., 2002. С. 174. Подробно об этом см.: *Андреева Н.С.* Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX века // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 46–47.

⁴ *Schlau W.* Zur Wanderungs- und Sozialgeschichte der baltischen Deutschen. In: Die Deutschbalten / Hrsg. von W. Schlau. München, 1995. S. 41; *Pistohlkors G. von.* Das "Baltische Gebiet" des Russischen Reiches (1860–1914). In: Baltische Länder. Deutsche Geschichte im Osten Europas / Hrsg. von G. von Pistohlkors. Berlin, 1994. S. 449.

лизовать эти нежелательные тенденции. Так, правительству следовало назначать в Прибалтику русских чиновников, раздавать участки из состава казённых земель в Курляндии только православным латышам и русским, обеспечить местному русскому населению представительство в Государственной думе и т.д.⁵

Эта статья послужила основанием для письма 10.02.1908 г. П.А. Столыпина министрам и главноуправляющим ведомствами. В нём председатель Совета министров предписал назначать на правительственные должности в Прибалтийских губерниях преимущественно русских. Необходимость такого кадрового подбора в письме временному прибалтийскому генерал-губернатору А.Н. Меллер-Закомельскому 16.03.1908 г. он мотивировал тем, что органы местной администрации обязаны охранять на окраинах «интересы русской государственности». Назначение же представителей национальных меньшинств на эти должности теперь ставилось в зависимость от их лояльности к власти и государству, чтобы преградить «сепаратистам» доступ в органы местной администрации.⁶

Свою основную задачу в этот период правительство видело в том, чтобы обеспечить «внутреннее слияние» Остзейских губерний с Россией. Причем, под этим слиянием понималась отнюдь не «денационализация» (т.е. ассимиляция) инородцев (Столыпин в письме Меллер-Закомельскому 16.03.1908 г. подчёркивал, что правительство никогда к ней и не стремилось),⁷ а его «мирное приобщение... к русской государственной жизни и возможное сближение... с русской общественностью при условии сохранения религиозных и племенных их особенностей».⁸

Достичь этого помимо преимущественного назначения русских на правительственные должности в Прибалтику, предполагалось за счёт серии мероприятий, призванных поддержать экономическую деятельность местного русского населения, его политическую и общественную инициативу, образование (оно находилось в крайне неудовлетворительном состоянии). Правительство также придавало большое значение

⁵ *Н. Н.* Из Прибалтийского края // Окраины России. 2.02.1908. № 5. Цит. по: Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1276. Оп. 4. Д. 20. Л. 1, 5-5 об. Ср.: *Hagen M.* Russification Via "Democratization"? Civil Service in the Baltic after 1905 // *Journal of Baltic Studies.* 1978. № 1. Vol. IX. P. 56–66.

⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 20. Л. 14, 17, 41, 42. Письмо П.А. Столыпина главам ведомств 10.02.1908 г., письмо А.Н. Меллер-Закомельского Столыпину 14.02.1908 г. и ответ на него Столыпина 16.03.1908 г. опубликованы нами. См.: *Андреева Н.С.* «Невозможно из немца сделать русского...» (Из истории национальной политики российского правительства в Прибалтике начала XX в.) // *Русское прошлое.* 2001. № 9. С. 106–132.

⁷ Ср. *Дякин В.С.* Глава 1. Третьеиюньская система. В кн: *Власть и реформы.* СПб., 1996. С. 566–567; *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 1. СПб., 1999. С. 38, 62.

⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 20. Л. 39–40.

развитию национального самосознания *среди* местных русских и объединению их на этой почве. В связи с этим, вновь был поднят вопрос, отклонённый 10.03.1906 г. Советом министров и 3.07.1907 г. министром внутренних дел, о предоставлении мест в Государственном совете и в Думе для представителей русского населения Прибалтики.

Не исключено, что определённое влияние на эти планы оказал А.А. Башмаков — один из близких сотрудников П.А. Столыпина (в 1906 г. тот назначил Башмакова главным редактором официального «Правительственного Вестника»). Во всяком случае идеи русской колонизации Прибалтики, особого кадрового подбора местной администрации и поддержки со стороны русского общества правительственной политики в крае были развиты в работах Башмакова.

Намеченные правительством меры, собственно, имели своей целью, прежде всего, поддержание русской государственной идеи, которая, как казалось, скрепляла государство. В окраинной русской диаспоре в данном случае правительство видело лишь средство для достижения общегосударственных целей. В её лице оно стремилось создать прочную основу для успешного слияния Прибалтики с центром.⁹

Намерения правительства неожиданно вызвали критику со стороны А.Н. Меллер-Закомельского. В письме П.А. Столыпину 14.02.1908 г. он убеждал председателя Совета министров в том, что в действительности государственным интересам в Прибалтике ничто не угрожало. Намеченные же мероприятия могли только ухудшить ситуацию в крае.

Колонизация Прибалтийских губерний русскими переселенцами не принесла бы желаемых результатов, поскольку, по словам Меллер-Закомельского, «русские не только ополячиваются и онемечиваются, то есть подчиняются лучшей в культурном отношении народности, но даже обурятияются и оякутиваются в Сибири, то есть подпадают под влияние низшей по культуре расы». В то время как преимущественное перед эстонцами и латышами наделение русских землёй ещё более обострило бы аграрный вопрос в крае.

Часть местных русских среди которой были кадеты, социал-демократы и революционеры казалась Меллер-Закомельскому не вполне благонадёжной с политической точки зрения. Доказательством этого, по его мнению, служил их избирательный блок с латышами и евреями на выборах в Государственную думу. Вступая в него, они якобы совсем не думали о поддержании «русского дела», а только о своих партийных

⁹ Там же. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 70. Л. 1, 4, 58; Оп. 2. Д. 139. Л. 20; Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 332; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (19 в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 131; Расоловлев М. Памяти А.А. Башмакова // Возрождение. 1949. Тетрадь 4 (июль). С. 161.

интересах. Столь же неблагоприятным Меллер считал и большинство местных чиновников из русских, поляков и латышей.¹⁰

Взгляд А.Н. Меллер-Закомельского на правительственную политику в Прибалтике вызвал недовольство П.А. Столыпина и, заручившись поддержкой Николая II, он дал «некоторые разъяснения» временному прибалтийскому генерал-губернатору относительно задач этой политики в упоминавшемся выше письме 16.03.1908 г. Полученный на него ответ Меллер—Закомельского 22.04.1908 г. свидетельствовал о том, что «разъяснения» достигли своей цели. По словам Меллера, он полностью поддерживал политику правительства по объединению Прибалтики с «общим великим Отечеством». Его же критические высказывания о местных русских были продиктованы лишь сожалением, что они не всегда осознают важность своей политической миссии в крае.

Временный прибалтийский генерал-губернатор был весьма недоволен местным русским обществом и, в особенности, интеллигенцией, поскольку они не были верны своему «долгу перед родиной». Вместо того чтобы сплотиться во имя национальных и государственных интересов, русские, наоборот, вступали в различные партии и своей политической несознательностью губили «русское дело» в Прибалтике.¹¹

Подготовку конкретных мер по усилению русского влияния в Прибалтийских губерниях предполагалось начать с изучения сведений о её русском населении. В связи с этим, П.А. Столыпин 4.10.1908 г. затребовал у А.Н. Меллер—Закомельского данные о численности, имущественном положении, занятиях, уровне грамотности и др. местных русских. Собственно, правительство впервые заинтересовалось этими сведениями и обнаружило, что они весьма скудны. Как сообщал Меллер—Закомельский П.А. Столыпину 30.10.1908 г., в его распоряжении имелись лишь весьма неполные статистические данные о русском населении края. Часть их собрал один из сотрудников Меллера П.М. Кошкин, некоторые сведения также были почерпнуты из дел управления временного Прибалтийского генерал-губернатора.¹²

Источником о численности русского населения в крае послужили данные переписи 1897 г., при этом критерием для определения национальности являлся его язык. По ним русских в Лифляндской губернии было 5,4 %, в Курляндской — 5,6 %, в Эстляндской — 5 %. В качестве мест их компактного проживания отмечались Рижский уезд Лифляндской губернии, район Чудского озера, в том числе его северный берег и река Нарова, восточная часть Везенбергского уезда Эстляндской губернии, где находились поселения старообрядцев.

¹⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 20. Л. 28—28 об., 29 об.

¹¹ Там же. Л. 49—50.

¹² Там же. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 70. Л. 1 об., 33; Ф. 821. Оп. 133. Д. 988. Л. 116 об.—117.

В ревельском уезде проживало 341 чел. русских обоего пола, причём, как указывал составитель «Сведений о русском населении в Эстляндской губернии», 125 из них поселились там «очень давно» и практически слились с эстонским населением, сохранив только русские фамилии. Они полностью утратили родной язык и считали себя эстонцами, при этом большая часть их исповедовала лютеранство, в то время как меньшинство оставалось православным.¹³

В целом в уездах Эстляндской и Лифляндской губернии наблюдалась постепенная ассимиляция русских местным населением вплоть до утраты ими своего языка. В то время как старообрядцы, напротив, сохраняли свою национальность, русский язык, веру и обычаи в течение длительного времени. Среди них встречались носители русифицированных эстонских фамилий — Кохтумисов, Рятсепов и др. По мнению автора одной из записок — помощника уездного начальника Юрьевского уезда Эстляндской губернии, — это свидетельствовало о «колониционных наклонностях» старообрядцев, сумевших обратить эстонцев в свою веру. Собственно, А.Н. Меллер-Закомельский и другие представители местной администрации считали именно старообрядцев наиболее политически благонадежным элементом, который мог стать опорой правительства в крае.¹⁴

Старообрядцы преобладали среди крупных русских предпринимателей Риги, в частности наиболее видными из них были купцы Лашковы, Волковы, Макаров и др. Однако в целом позиции местных русских предпринимательских кругов в Прибалтийских губерниях были довольно слабыми, и они не могли конкурировать ни с немцами, ни с эстонцами и латышами.

Так, в Ревеле действовало всего 17 русских торгово-промышленных предприятий, причём из них лишь четыре крупных с капиталом 150–160 тыс. руб. — известное своей репутацией заведение соления килек братьев П. и К. Малаховых, фирмы по продаже бакалеи, чая, мануфактуры купцов Белягина, Горшкова и Горбачёва. При этом годовой оборот мануфактурной торговли Горбачёва достигал 500 тыс. руб.

В ревельском уезде крупных русских торгово-промышленных заведений не было, а в везенбергском работали деревообрабатывающая фабрика В.П. Кочнева с оборотным капиталом 100 тыс. руб., на которой трудились 155 рабочих, и лесопильный завод А.П. Кочнева с капиталом 60 тыс. руб. и 80 рабочими. В Курляндии русская промышленность также была малочисленной — здесь действовало несколько

¹³ Там же. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 70. Л. 35, 46, 55 об.; Ф. 1282. Оп. 1. Д. 719. Л. 121.

¹⁴ Там же. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 70. Л. 49 об., 59. Выдержка из записки служившего в Юрьевском уезде должностного лица (помощника уездного начальника). Ок. 1898 г. // Там же. Л. 55 об.

кирпичных заводов. Однако их состоятельные владельцы — купцы Нестеров и Несадомов — обладали весьма низким культурным уровнем и «узким умственным кругозором», и потому никакой роли в общественной жизни губернии не играли. По сведениям курляндского губернатора Л.М. Князева, представители русской общественности Либавы некоторое время собирались у полковника Корсакевича, который призывал их поддерживать «русское дело» в крае.¹⁵

Столь же неутешительно для правительства обстояло дело и с русским землевладением в Прибалтийских губерниях. В Лифляндии наиболее крупными русскими помещиками были С. фон Бельгард (урожденная княжна Урусова), князь Кропоткин (ему принадлежало 3,1 тыс. дес. земли), С.Д. Шереметьев, Н. Терещенко, Марков, наследники князя Гагарина (14 тыс. дес.) и др. Всего в их руках находилось 48,7 тыс. дес. земли, составлявшие лишь 2,5 % немецкого землевладения в губернии.

В Курляндии насчитывалось девять крупных русских землевладельцев, которым принадлежало 48 тыс. дес. К их числу относились наследники графа П.А. Шувалова (21,9 тыс. дес. земли), Канкрин, генерал Ушаков, купец Карякин, Головин и др. Меньше всего русских помещиков было в Эстляндской губернии: из них самыми большими поместьями владели князь Волконский и русский вице-консул в Берлине граф Мусин-Пушкин.

По сведениям прибалтийских губернаторов, большая часть местных русских землевладельцев не жила в своих имениях и лишь некоторые приезжали в них летом. Хозяйство в поместьях они вели через управляющих-немцев и нанимали в качестве сельскохозяйственных рабочих эстонцев и латышей. К тому же никакого участия в политической жизни Прибалтики местные русские помещики не принимали.¹⁶

В итоге, было очевидно, что немногочисленные русские крупные землевладельцы и представители торгово-промышленных кругов не смогут обеспечить необходимую поддержку правительственной политике в Прибалтийских губерниях. В связи с этим временный прибалтийский генерал-губернатор в письме П.А. Столыпину 30.10.1908 г. предлагал развивать русскую колонизацию края за счёт переселения колонистов из внутренних губерний на казённые земли и наделения землей русского населения Прибалтики, а безземельным латышам и эстонцам предоставить земли в северных губерниях России, в Сибири и Царстве Польском.

А.Н. Меллер-Закомельский считал, что русских следует обеспечивать землей преимущественно перед эстонским и латышским населени-

¹⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 70. Л. 38 об., 532–533 об.; Ф. 1282. Оп. 1. Д. 719. Л. 122, 135 об.

¹⁶ Там же. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 70. Л. 39 об.–40, 44 об., 46; Ф. 1282. Оп. 1. Д. 719. Л. 135, 151–151 об.

ем с тем, чтобы сделать их крестьянами-собственниками вместо батраков и безземельных сельскохозяйственных рабочих у инородцев. Для этого следовало образовать особый фонд из казённых земель и приобретаемых Крестьянским поземельным банком. По мнению Меллера, достаточно обеспеченные самостоятельные хозяйства можно было создать, предоставив каждой семье надел не менее 15–20 дес.¹⁷

При этом к русским переселенцам предъявлялись особые требования — в Прибалтику следовало направлять лишь «крепких духом русских людей». Такие люди, по убеждению П.А. Столыпина, не ассимилируются, а сохраняют свою самобытность, веру и обычаи, а также «исконную преданность началам русской государственности». В целом этот новый для Прибалтики социальный слой — русские крестьяне-землевладельцы — был призван стать опорой правительства в крае.

В действительности же эти планы были невыполнимы. В Прибалтийских губерниях остро стоял аграрный вопрос, между тем казённых земель было немного и в большинстве своём они не подходили для поселения крестьян. В связи с этим переселения русских колонистов в Прибалтику не проводилось, а обеспечивалось землей местное русское население. В частности, для наделения землей старообрядцев в районе Чудского озера была выделена Вихтизбийская казённая лесная дача. Обращает на себя внимание и то, что при распределении отрубков между безземельными эстонцами и латышами учитывалось их вероисповедание — землю в первую очередь получали православные.¹⁸

Серьёзным препятствием для намеченной правительством политики в Прибалтике служил и невысокий в целом культурный уровень местного русского населения. Как сообщал курляндский губернатор со ссылкой на данные переписи 1897 г., 60 % русских в губернии было неграмотно в отличие от окружавших их инородцев, которые были практически поголовно грамотными. Для исправления ситуации предлагалось увеличить количество русских школ и поднять их уровень настолько, чтобы сами русские и вместе с ними эстонцы и латыши не предпочитали бы им немецкие училища. По свидетельству А.Н. Меллер-Закомельского, требовалось открыть как можно больше русских начальных училищ, поскольку даже в Риге их не хватало и из-за этого много русских детей оставалось неграмотными. Недостаточно школ было и в районах, где проживали старообрядцы.

Способствовать успешному слиянию Прибалтики с Российскими губерниями, как считал временный прибалтийский генерал-губернатор, в особенности должно было преподавание в учебных заведениях края «в

¹⁷ Там же. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 70. Л. 34.

¹⁸ Там же. Д. 20. Л. 41 об., 68; Ф. 1276. Оп. 2. Д. 139. Л. 33 об.–34.

русском духе». В то же время открытие школ с немецким языком обучения на основании закона 19.04.1906 г., по его мнению, осложняло эту задачу. Несмотря на это, немецкие школы не были закрыты и продолжали действовать в крае вплоть до Первой мировой войны, когда Совет министров своим решением 12.07.1916 г. запретил преподавание на немецком языке.¹⁹

Особое значение в интеграционных планах правительства придавалось и лично составу местной правительственной администрации. Руководящие должности в ней должны были замещать «русские люди», сознававшие «государственное значение... их службы на Прибалтийской окраине». При этом отмечалась важность тщательного кадрового подбора, поскольку неудачные назначения русских чиновников подрывали престиж государственной власти среди инородцев.²⁰

Однако, как свидетельствовали данные представленные главами ведомств и временным прибалтийским генерал-губернатором П.А. Столыпину, большинство правительственных должностей в Прибалтийских губерниях и до его письма 10.02.1908 г. занимали русские. В связи с этим, оно не повлияло на национальный состав местной администрации.²¹

Намеченные правительством меры по усилению русского влияния в Прибалтике остались нереализованными из-за их, в целом, трудноисполнимости. Это стало очевидным, после того как П.А. Столыпин получил затребованные 4.10.1908 г. от временного прибалтийского генерал-губернатора сведения о русском населении края. Они показали, что русские не могли оказывать там не только определяющего, но какого-либо вообще заметного общественного влияния вследствие своей малочисленности, слабых экономических позиций и невысокого культурного уровня (процент неграмотных среди них был самым высоким по сравнению с другими национальностями Прибалтики). При этом для широкой русской колонизации не было подходящих условий.

На отказ правительства от первоначальных планов, вероятно, также повлияло заступничество губернаторов за «Немецкие общества» и прибалтийских немцев в целом. Так, эстляндский губернатор И.В. Коростовец в отношении А.Н. Меллер-Закомельскому 4.10.1908 г. отмечал, что стремление остзейцев объединиться и сохранить свою культуру не следует рассматривать как проявление нелояльности по отношению к Российской империи. Такого же мнения придерживался и курляндский

¹⁹ Там же. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 70. Л. 51 об.—52, 33 об., 56; Д. 20. Л. 54-54 об.

²⁰ Там же. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 70. Л. 52 об.; Л. 20. Л. 54.

²¹ Там же. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 20. Л. 51 об.—52 об.; Ср.: *Hagen M.* Die Entfaltung politischer Öffentlichkeit in Russland, 1906-1914. Wiesbaden, 1982. S. 90; *Он же.* Russification Via "Democratization"? P. 56, 62-63; *Карьяярм Т.* Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905-1917 гг. Таллин, 1987. С. 232.

губернатор Л.М. Князев в представлении 12.09.1908 г. временному прибалтийскому генерал-губернатору.²²

В итоге, правительство не стало *радикально* пересматривать свою прибалтийскую политику. Оно отказалось от намерений усилить русское влияние в Прибалтике, при этом проблемы местного русского общества так и остались нерешёнными. В своей политике в крае правительство продолжало следовать практике «сосуществования» с прибалтийскими немцами и вплоть до Первой мировой войны поддерживало сложившийся в Прибалтийских губерниях «статус-кво».

²² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 270. Оп. 1. Д. 91. Л. 133; Ф. 826. Оп. 1. Д. 242. Л. 3 об.